

Ник Форнит

Слава и первая смерть

Ник Форнит

Слава и первая смерть

«Автор»

2026

Форнит Н.

Слава и первая смерть / Н. Форнит — «Автор», 2026

Описывается футуристическое общество, в котором технологии квантового дублирования и телепортации радикально изменили человеческую природу и само понятие смерти. Главный герой Слава решает создать четыре собственные копии — «раздублиться», чтобы ускорить строительство семейного дома, однако этот процесс обнажает глубокие этические и философские противоречия нового мира. Это глубокую философско-психологическая фантастика, исследующая кризис человеческой личности в мире, где технологии сделали физическую смерть обратимой.

© Форнит Н., 2026

© Автор, 2026

Ник Форнит

Слава и первая смерть

День схлопнулся очередным вечером, оставив опустошенность.

Строительный экзоскелет становился невыносим настолько, что растопыренные пальцы неприятно подрагивали. Хорош, пора кончать на сегодня.

Никакие самые чудесные и умные инструменты не могли помочь приблизить слишком амбициозные цели. Когда что-то выкраиваешь для своей семьи, хочется все предусмотреть как в мечте и такое дело не доверишь никому другому.

Упруго массирующие струи, приправленные бодрящим ультразвуком, смыли пот жаркого дня. Слава потянулся к полотенцу, но нелепо скользнул по биоплитке, вздумавшей игриво пощекотать его мокрые ступни. Удар об уголок полочки плечом спровоцировал смачное проклятие, впрочем, почти неслышимое его детям, уже усаженным перед стеной-монитором и с нетерпением ожидающих взрослой передачи ДСЭ.

Это изменило настроение у Славы, и предвкушение от ДСЭ омрачилось мыслью о давно замеченном ее ханжеском менторстве – ощущении гипертрофированной добродетели в расчете на массы, а не здравый смысл, мысль, которую Слава старался гнать как бредовую. Но теперь ему захотелось хотя бы ненадолго выйти в сгущавшиеся сумерки летнего вечера.

Прямо босиком, лишь надев шорты и футболку, он вышел в галантно распахнувшуюся калитку и вдохнул вечернюю прохладу с легким ароматом приарычной мяты.

Срывая по пути чуть святающиеся поливитаминизированные ягоды последней версии генной фармакологии с густо усеянных кустов, и лопаю в роту кислотовато-ароматное удовольствие, Слава быстро обрел счастье.

Так он брел по заросшей аллее вдоль нескончаемо длинного ряда коттеджей пока не увидел сидящего у арыка соседского пацаненка. Тот что-то сжимал в руке, опущенной в мутную воду, и поверху трагически редко всплывали маленькие пузырьки.

Ребенок был настолько сосредоточен, что не заметил подошедшего и вытащил руку с еще живым котенком, со слипшейся шерсти которого стекала вода. На детском лице сосредоточились сильные чувства исследовательского увлечения чужим бессилием. Особый драйв придавала недозволенность совершаемого, но кто же из взрослых пройдет здесь в то время, когда все поголовно залипали у стен мониторов с вечерней передачей ДСЭ. На это время все замирало, кроме бдительных служб.

У детских ног бессильно подпрыгивал онемевший воспитательный гаджет, переливаясь негодующими цветами.

Слава присел рядом и требовательно протянул руку.

– Дай сюда!

Пацан вздрогнул и послушно протянул смешно кашляющего котенка.

– Знаешь, Витек, сейчас я то же самое сделаю с тобой, чтобы ты прочувствовал!.. – не очень решительно пригрозил Слава.

– Ой, дядя Слава, – пролепетал застигнутый ребенок, – А это не больно?

– Сейчас узнаешь. Но какая тебе разница, если все равно тебя не станет?

– Меня позавчера сохраняли... – вспомнил парень, стремительно наполняясь паническим страхом, – Я папе скажу!!

Витек вдруг сорвался и очень прытко побежал к своему коттеджу.

Слава вздохнул и встал, осторожно положив приходящего в себя котенка в траву. Витек скоропостижно перелазил через соседский забор. Этот боится. А чуть более взрослые уже ничего не боятся.

Гаджет запрыгал было вслед за Витьком, но Слава ловко поймал его, тут же получив удар током. Легко проигнорировав детскую дозу, Славик потряхнул бешеную тварь и гаджет примирительно затих.

Проблема, которую Слава недопонимал и о которой часто приходилось задумываться, опять настигла его. Все вокруг очень стремительно меняется, и он удручающе не догоняет прогресс, несмотря на свой не такой уж зрелый возраст. Не только он, а очень многие не успевают осваивать то, что в огромном разнообразии и со все более ускоряющимся темпом обрушивается на головы в стремительно меняющемся мире взаимодействий новых вещей, биосинтов, разумных гаджетов и все еще по старинке скроенных природой людей. Дети быстро схватывали новшества и эффективно использовали их так же естественно, как свои руки и ноги. Возможно потому, что их воспитывали гаджеты, на которых все сваливали родители. Но критический возраст способности быть в струе прогресса, все более молодеет.

Пожалуй, главное – в мире появилась возможность сохраняться на случай трагедии или делать свои копии для более эффективной работы.

Слава ни разу еще не умирал и недопонимал экстремальный мир молодых, не ведающих страха смерти, часто с самого раннего возраста умело и эффективно использующих прогрессивные возможности квантово-механической телепортации тела или просто дублирования. Он был из тех динозавров, которые еще захватили хмурое время неизбежной брэнности бытия, и это разительно отличало от поколения нынешних экстремалов. Само понятие смерти радикально изменилось, как и отношение к ней. Воистину сказал мудрец: “Там, где есть смерть, нет меня, там, где есть я, нет смерти”.

Славик снял блокировку звука и гаджет шумно задышал.

– Ну что, тупая железка, фигово воспитываешь!

– Со взрослыми не разговариваем! – гаджет надменно поджал губки.

Ну да, друзей не предают. Такая вот солидарность и обеспечивает тесные дружеские взаимоотношения воспитателя и ребенка.

– Ну и пошел ты... – Слава швырнул гаджет на землю, тот ловко самортизировал и поскакал к соседской калитке, чуть заваливаясь на бок.

В принципе, следовало бы прибить Витька, что многие и делали в подобных случаях, чтобы не оставлять у ребенка патологических воспоминаний о совершенном, и родители только бы спасибо сказали. Для этого достаточно было вызвать специальную службу декогеренции. Но он не мог...

Славик был склонен к размышлениям, скорее не в поиске истины, а для психического равновесия. Философия позволяла отойти от конкретики, а, значит, и от необходимости конкретных решений, как бы мудро оберегая от опрометчивости.

В этом мире, балансирующем на грани всеобщей ненормальности, многое необходимо прояснить. Вот и слово “дупление” – пример того, как сленг оказывается сильнее логики правил. Конечно же, в основе – дублирование, а не создание дупла, но выговаривать “я дублировался” большинству оказалось не по нраву, это Б прямо било по губам. Особенно, если речь шла не об удвоении, а о большем числе копий. Да что там грамматика, когда буквально все жизненные ценности менялись на глазах.

Слава депрессивно вздохнул. Он давно уже обещал семье путешествие на Марс, с невероятными приключениями в сказочных куполах, в условиях пониженной тяжести, с морем, в котором плавалось легко как в сказке, с фантастически разнообразными биосинтетическими

существами, многих из которых нет и в помине на Земле просто потому, что эти гигамонстры раздавили бы сами себя своей тяжестью.

Болезненная совесть терзала Славика в каждом случае невольного попираания им этических норм ДСЭ, которым он был без сомнений привержен, постоянно убеждаясь в их чрезвычайной полезности и эффективности.

В суровые времена, до внедрения регулирующей Динамики Социальной Этики, в резко меняющихся условиях проявлялось самое различное отношение людей, что приводило к расколу и конфликтам непонимания со множеством личных трагедий.

А корни раскола проявляются уже в раннем детстве. Если увлеченным очередным трендом в музыке детишкам вдруг попадался кто-то ненормальный, не любящий такую музыку, для чего вовсе не требовалось ее понимать, а важно просто демонстрировать свою преданность, это вызывало негодующее неприятие, и чужой становился изгоем. И так – во всех случаях отличия собственного мнения там, где оно не имеет права отличаться.

Если раньше детям, чтобы казаться взрослыми, приходилось курить, выпивать спиртное и пошлить с девочками, то теперь главным критерием стала причастность к ДСЭ. Вырастая из периода воспитательных гаджетов, дети уже имели собственное понимание того, что такое хорошо и что такое плохо, и это позволяло легко принять основы ДСЭ.

Социальные технологии ясно понимали, что разумнее привить обществу один вид тренда, но очень качественно, неукоснительное соблюдение которого стало бы непреложным для всех без исключения, чем провоцировать множественные и непримиримые разногласия. В результате была культивирована полноценная вера, пришедшая на смену многим смешным и нелепым религиям, давно конфликтующим в головах новых поколений. Вера у людей никогда не исчезала, она была нужна всем тем, кто что-то сам не понимал и ему оставалось только верить или не верить, и тем, кто желал следовать за признанными авторитетами чтобы не выделяться, не дай бог вызывая неприятие у окружающих, и еще нужна тем, кому была важна всенародная Идея, придающая основу смысла жизни каждому.

А что было бы с технологией телепортации тел без ДСЭ?? Такая социальная бомба могла разрушить общество. И без того появляются всякие эмо, зараженные жизнененавистничеством.

Сегодня всем предельно очевидно, как важно быть в общем потоке следования правильным социальным коррекциям. Все новые, важные откровения, что выдаются в святые минуты шедевров Динамики Социальной Этики или просто ДСЭ, принимались внимательно и благодарно, чтобы всегда быть на высоте и не облажаться среди друзей и, особенно, среди коллег.

Как раньше великие художники и композиторы сочиняли произведения на религиозную тематику, проникающие в глубины души, так и сегодня передачи ДСЭ творили самые выдающиеся деятели науки и искусства, вот и получались неотразимые, с нетерпением ожидаемые шедевры.

Не стоит путать: ДСЭ – не политкорректность, не патриотизм и не толерантность, а настоящая победа государственного культивирования: искренняя в своем убеждении и приятии всенародная вера, которой могут перечить лишь отморозки или очень еще наивные дети. Но уже в подростковом возрасте любые сомнения в ней представляются настолько же абсурдными и неприемлемыми, как попрание самых святых ценностей, как покушение на общепризнанную красоту.

Если с голографически объемного монитора во время этической проповеди ДСЭ в форме занимательных и смешных постановок с полной очевидностью покажут, что недобрый взгляд

на ближнего это – тяжкий грех низвержения оного в пучину депрессивных переживаний, то отныне взгляды в толпе просто лучатся доброжелательностью.

Тот, кто не в теме, и позволит себе даже самую малую суровость, окажется порицаем всеми очевидцами и невольными свидетелями. И они тут же очень ласково и осторожно, чтобы ни в коей мере не опечалить напрасно, поведают заблудшему, что вчера погода в мире этики изменилась как давно всеми ожидаемый порыв свежего ветра перемен, после чего провинившийся не будет знать, куда деть свой стыд и покаяние.

Все это реально облегчало жизнь, свободную от многих ранее неразрешимых социальных проблем. Так случилось недавно со Славой, когда его работодатель вдруг в приступе недовольства чем-то принялся гневно распекал за последствия какой-то ошибки, а с кем не бывает ошибок?! И тогда Слава ровным и чуть укоризненным тоном, как это полагалось, согласно формуле ДСЭ, молвил: “Ваши демотивирующие сентенции надолго выбивают из колеи, ведь вы сейчас невольно внушаете, какая я никчемная бестолочь. После этого я просто не смогу нормально работать.” Шеф, т.е. работодатель, чуть испуганно округлил глаза и душевно извинился. В порыве радостного взаимопонимания они расслабились и немного поговорили о жизни, о еще оставшихся в мире королях, о классных туристических ботинках, которые демонстрировались во вчерашней рекламе и очень вкусной марсианской капусте.

В просторном дворе своего небольшого коттеджа Слава вознамерился построить большой второй дом с навесным переходом к первому и площадкой аэрокара на крыше, – для всей разрастающейся семьи – его гордости на фоне общего демографического упадка общества.

Все свое время после обязательных по ДСЭ 4 часов работы 4 раза в неделю он проводил на этой стройке. И все чаще с отчаянием видел, что задуманное по своей грандиозности явно превышает его возможности.

Это ввергало его в привычную тему неустроенности и собственной неполноценности, а то и недостаточной мужественности, в чем не раз его упрекала жена Татьяна пусть и в мягкой форме, но колющей самолюбие.

Как же было ностальгически привольно в прошлые века, когда можно было расслабиться, думать и делать что угодно. Сбалансированный мир демпфирует любые глупости, кроме фатальных, что-то вызывает снисходительное понимание, что-то уважительное игнорирование. Глупость не бьет наповал как в суровое пещерное время, а гасится о множество предусмотрительностей как мягкой подушкой. Можно было даже вообще ничего не делать.

Тогда не было этих изуверских 4 ежедневных часов интенсивной работы для всех без исключения, контролируемой датчиками уровня творческих усилий, так что никакие посторонние мысли в это время не допускались.

Вот раньше легко выкраивалось время на компьютерную игрушку или, чтобы полазить в значных местах интернета, а если появлялся шеф, т.е. работодатель, то одним щелчком переключался рабочий экран. Слава любил интерактивные фильмы про те благодатные времена, но вот теперь даже на это не хватало времени.

– Слава, да брось ты нафиг эту стройку! Сколько можно! – сочувствовала его верная жена, только что приготовив ужин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.